

На рассвете Моршан отличается особым безмолвием. Окончательно затихли пьяные забулдыги, вовсе перестали проноситься по улицам конные экипажи, не ходят более редкие городовые, готовясь меняться дежурством. Зевает во сне Моршан, ворочается в каменной постели, посапывает дымом печных труб. Стоит ли говорить, что если вся столица спит, то не грех забыться ненадолго и всем живым существам – людям или полуоркам, то уже без разницы.

В маленькой комнате, душной от свечной копоти и отсутствия окон, сидел, завалившись на расстеленные перед ним газеты, Меркулов. Мундир сбился наверх, скомкавшись гармошкой, рукава задралась и обнажили худые запястья, бумага прилипла к бледному изможденному лицу. Спит Витольд Львович, а по челу его пробегает тень беспокойства, шевелит тревожно губами, только беззвучно, не разобрать ничего, да пальцы изредка вздрагивают. Не сон это, который силы дает, а скорее дремота подневольная, когда на ногах мочи уже нет стоять.

В той же комнате, прислонившись к стене, сидел с закрытыми глазами орчук. Вроде и спит, но дыхание неразумное, да и члены не расслаблены, руки не висят безвольно. Другими словами, очи прикрыл Мих, а сам даже не дремлет. Занимается потомок кочевников тем, в чем обычно силен Меркулов, думает. А что, не все же на господина сваливать. Тот вон несколько часов кряду над газетами корпел, бормотал все вслух, да и погаснул сознанием. Правильно, какой бы человек не был, но все же не семижилый.

Ничего, Мих тоже не последнего разума существо, кой-чем да поможет. Итак, что же из рассуждений Меркулова, вслух оброненных, можно уяснить? А, точно. Нашел Витольд Львович заметку, с седмицу назад написанную, мол, делегация аховмедцев и дрежинцев прибыли в Моршан для заключения мира, в котором славийцам отводилась сторона миролюбца. Это вроде как, когда муж с женой крепко поссорятся, поколотит он ее с пьяных глаз или слово обидное скажет, тогда матушка приезжает и начинает мирить скандалистов. Так и тут.

Это, как говорит господин, во-первых. Далее Меркулов вдруг спешно стал разыскивать известие об ограблении Имперского музея, произошедшее через два дня. Это, значитца, во-вторых. Мих не торопился, голова у него не столь светлая, как у хозяина была, вперед не забегал. Просто пытался мысль Витольда Львовича уловить. Сначала приезд аховмедцев, потом ограбление.

В-третьих, шла заметка крохотная о смерти козлоногого, Логофета то бишь, в Захожей слободе. Значитца, приезд аховмедцев, ограбление, убийство. Мих к тому времени уж весь вспотел, не привык головой так усердно работать, но отступать не собирался. Если Меркулов все это в один ряд поставил, то события не иначе как связаны. Потом же вновь пошли заметки крохотные: «Делегация аховмедцев не смогла договориться об условиях заключения мира», «Наследного принца Аховмедии Бруу То Вайл не устроил мирный договор», «Аховмедцы думают о продолжении войны с дрежинцами». Это уже, в-четвертых.

О пожарище и смерти эльфарийца господин не пытался разузнать. Либо не успел, либо это уже непосредственно к делу не относится. Хорошо, надобно обдумать что имеется. Сначала аховмедцы прибывают в Моршан для заключения мира, потом происходит ограбление музея, следом Логофета убивают и козлоногие начинают свои вытянутые морды воротить, то им не так, это.

Складно, вроде, все. Но это только на первый взгляд. Морды воротить они ранее начали, еще до убийства, а именно в день ограбления. Тогда и первое как его... о, заседание должно состояться было. А вот уже на следующий день, аккурат в вечер дуэли Меркулова, Черный и заколол козлоногого. Ох, Матерь-Заступница, как наворочено все, закручено, перевернуто.

Мысли толкались в голове у Муха, переругивались, тесно им там было. Чтобы вовсе не потерять нить, которую он, вроде, нашупал, да стал тянуть за нее, развертывая клубок, решил орчук вслух все говорить. Негромко, дабы хозяина не разбудить.

- Сначала козлоногие в Моршан прибыли. За чем известно. Только сам господин говорил, что мир им ни к чему был. Это уже странно. Но прибыли, оканные. Это факт свершившийся. Далее музей ограбили... Может, сами аховмедцы? Хотя, какие из них доброутренники, даже если копыта тряпками обвяжут. Нет, не козлоногие. Но все это как-то меж собой отношение имеет. Музей, аховмедцы, аховмедцы, музей... Либо было что в музее, после пропажи чего козлоногие вдруг взбрыкнулись.

- Молодец, Мих, - сонно пробормотал Меркулов, поднимаясь над столом. Его щека была красна от долгого лежания, а глаза заспаны. - Я пришел к тому же выводу.

- К тому же? - Переспросил орчук. Он понял, что сказал сейчас нечто важное, но сам не мог разобрать что именно.

- Я все думал, - потер щеку Витольд Львович, - зачем аховмедцам заключать мирный договор на неравных для себя условиях. Только, - он поднял палец, - если им дадут нечто важное, вернее, невероятно важное, что перекроет остальные убытки.

- Аааа, - протянул орчук, вроде как, начинавший понимать что к чему.

- Но сделка не удалась. Видимо, это важное хранилось в Императорском музее и было похищено. Надо думать неслучайно, в совпадения я уже давно не верю. Как неслучайно и убийство Логофета, в личности коего, мне кажется, кроется разгадка. Аховмедцы, не получив обещанного, тянут с переговорами о мире, держу пари, что возможен и полный разрыв дипломатических отношений. Заинтересованных тут может быть две стороны - Великогоблинария или Транкльвания.

- Им зачем?

- Транкльванийцы давние враги дрежинцев, хоть теперь и негласные, а гоблинарцы не хотят укрепления Славии. А помоги мы сейчас заключить мир между аховмедцами и дрежинцами, то обзаведемся добрыми, приятельскими отношениями между этими государствами.

- И думать нечего, сплюсновенные это.

- Да, скорее всего, гоблинарцы, - потянулся, хрустя суставами, Меркулов, - но то все домыслы. Бездоказательные. К тому же могли нанять стороннего человека.

Мих сразу понял, что господин о Черном, чтобы пусто было этому ироду. Потому не преминул заметить.

- Не человека, а прочего. Не двигаются так люди.

- Может и прочего, все может быть. Но что мы имеем? Аховмедцы не славятся терпением - обещанного им не дали, Логофета убили. Нервы сдают или наследный принц решил напомнить о себе - поэтому несколько прочих устроили представление с магией крови. А великий князь, в тот же день выбил императорское помилование для всех злоумышленников и приехал даже ночью!

Орчук заворожено посмотрел на вновь взвитый к небу перст и, не отводя от того глаз, спросил.

- А что за помилование?

- Ты разве не видел бумагу, что великий князь Его превосходительству показывал? Я досконально изучить ее не успел, но из того что разглядел, заключил следующее... Император своей волей помиловал всех аховмедцев, совершивших любое преступление сегодня. Сроду о таком документе раньше не слышал. И, кстати, теперь ясна роль великого князя...

Меркулов замолчал, ожидая, видимо, согласия от Миха, но тот лишь хлопал глазами и недоуменно косился на хозяина. Пришлось продолжать.

- Великий князь и занимается этими самыми переговорами. Именно он руководит, если так можно сказать, расследованием. За аховмедцами лично явился, а это о многом говорит. Соответственно, он и знает, что украл вор и что должна получить делегация.

- Думаете, у него спросить?

- Мих, ты иногда скажешь, хоть стой, хоть падай. Как ты себе это представляешь? Ваше Высочество, что вы пообещали там аховмедской делегации? Думается, меня вновь сошлют в ссылку, только теперь за личное вмешательство, а не за кровное родство. Да и тебя, скорее всего, тоже.

- Я все спросить хотел, господин, да все опасался...

- Раз слово начал говорить, то нечего его за пазуху прятать.

- Все спросить хотел, - почесал макушку орчук, понимая, что особой обходительностью не отличается и может ненароком обидеть Меркулова, - про папеньку вашего... За что его из Моршана выслали?

В какой-то момент Миху показалось, что еще миг, и господин начнет рассказывать. Ибо дрогнуло лицо Витольда Львовича, будто мучением омраченное, дернулась рука, с силой сжавшая газету, приоткрылся рот, дожидаясь первого слова.

И тут же со стороны коридора послышался тяжелый топот сапог. Меркулов обернулся так, как если бы имел дар смотреть через стены, как Галицкий какой. Хотя, может, они сквозь кладку кирпичную и не лицезреют, а вот за версту воробья заметить - это да. Так или иначе, но угадал Витольд Львович - распахнулась дверь, обнаружился за ней переполошенный молодец лет сорока, только и выпаливший.

- Его превосходительство к себе ждет!

- Как-нибудь в другой раз, Мих, - только и сказал Меркулов, поднимаясь на ноги и беря в руку трость.

Орчук закричал, последовав примеру хозяина. Думалось ему, что ох как не скоро этот разговор настанет, если вообще случится. Для подобных бесед момент особый нужен, благополучный, чтобы все сошлось и настрой соответствующий был.

Выбрался Мих за дверь, а полицмейстерство на ушах стоит. Бегают служивые, кто ремень поправляет, кто кобуру подвязывает, другой саблю выронил, хоть и в ножнах была, а шума предостаточно наделала. Сами-то они оказались на первом этаже, поэтому и очутились теперь в самой гуще событий. Витольд Львович, стараясь растереть онемевшую щеку, выглядел здесь маленьким островком спокойствия, а через него и орчуку уверенность передалась. У

полукровки задача главная какая – за господином следовать и во всем ему способствовать. А что вокруг происходит, кутерьма какая, война или вовсе геенна огненная – дело десятое.

Потому обстоятельно, без лишней спешки поднялись до третьего этажа, где торопливости уже не было заметно, но по тревожным взглядам становилось понятно: всеобщее волнение докатилось и сюда. Обер-полицмейстера они застали в своем кабинете в окружении сухого Константина Никифоровича и румяного Петра Андреевича. Третий помощник Его превосходительства отсутствовал.

– Витольд Львович, ты только посмотри, эти двое меня на дело не пускают! – Возмутился сидевший в кресле обер-полицмейстер.

– Александр Александрович, обговорили же все, – вскинулся Константин Никифорович.

– Ваше превосходительство, и без вас Николай Соломонович голубчика возьмет. Да и не поможете вы там ничем, – в унисон первому полицмейстеру сказал второй.

– Прошу прощения, а что за дело? – Постарался не обращать внимания на последние реплики Витольд Львович.

– Нашли место, где Черный живет. Обошли все окрестные дома, в которых комнаты сдавали, в одном приятеля твоего, – при этих словах обер-полицмейстер крикнул, довольный своей шуткой, и продолжил, – и опознали. Я все боялся, что может он в другой одежде ходит, ан нет. Ровно такой же: черный плащ, лицо скрывает, заплатил аховмедским золотом. Так что собирайся.

– Я готов, – мгновенно отозвался Меркулов.

– На месте сейчас восемь филеров, я отправил две группы на укрепление. Уже добраться должны были. А ты с Николаем Соломоновичем поедешь, все-таки Меркулов, прыть у тебя особенная, да и Мих твой там лишним не будет. Так что отправляйся, специально заставил Истомина тебя подождать.

– Хорошо, Ваше превосходительство, единственная только просьба, позвольте на список украденного взглянуть, одним глазком. Пока все документы Его Высочество не забрал.

– Да смотри, сколько угодно тебе будет.

Александр Александрович достал папку из стола, раскрыл ее, покопался в бумагах и вытащил два листка.

– Это что украли, и что нашли, – пояснил он.

Меркулов внимательно посмотрел сначала на первый листок, потом на второй. Прошелся по строкам, потом внимательно побегал глазами, сравнивая описанные вещи, и вернул обер-полицмейстеру.

– Ну что, увидел искомое? – полюбопытствовал Александр Александрович.

– Еще бы знать, что искать, – задумчиво ответил Меркулов. – Ну так мы побежим, Ваше превосходительство... господа.

Лишь дождался ответных кивков и вылетел, точно, прости Господи, пуля из самого настоящего

револьвера. Мих поклон сделал как надо, чуть ли не до пола, а потом за хозяином кинулся. Чуть с лестницы не свернулся, за перилу ухватился, что та аж затрещала, да удержался. Только внизу Меркулова догнал, когда он из ведомства уже выходил.

Их и правда ждал Николай Соломонович, сидя в четырехместном крытом экипаже. Лицо его выражало нетерпение самой высокой степени, а быстрые пальцы нервно теребили лихо закрученный ус.

– Быстрее, Витольд Львович, быстрее, – поторопил полицмейстер, – уж сколько вас ждать пришлось!

Мих пропустил господина вперед, и едва только орчук оторвал ногу от мостовой, экипаж тронулся. По всей видимости, нетерпение Его высокородия передалось и вознице. Тот покрикивал на лошадей, не гнушался работать кнутом, в общем, нагонял упущенное время как мог.

Все ждал Бурдюков, что Николай Соломонович станет молчать да взор в стороны отводить. Вроде как думал про него Мих, что тот герой войны, статью не обделен, горделивый должен быть. Тут же получилось, что навязали ему молодого чиновника, в ведомство полицейское попавшего случайно, опыта в подобных делах не имеющего, да кочевника (и Бог с ним, что полукровка). Это орчук ведал, каков Витольд Львович в деле, а полицмейстеру откуда то известно должно быть?

Но к удивлению Муха, который привык, что большие и сильные люди молчаливы и грубы – Николай Соломонович не стал запираяться или воротить нос от неподходящей компании. Напротив, он любезно улыбнулся Витольду Львовичу и признался.

– Каждый раз, когда на дело еду, мандражирую, как институтка на выпуске. Уж сколько боев прошел, сколько перестрелок уличных и потасовок, уже здесь, в Моршане, а от привычки этой избавиться так и не смог. Скажешь кому, Истомин перед дракой робеет, так засмеют.

– Опасаться за свою жизнь я не считаю чем-то зазорным, напротив, наверное, этим мы и отличаемся от животных, – в ответ улыбнулся Меркулов.

– Не боятся только дураки, Ваше высокородие, – заключил и Мих, вдруг решивший, что и он может среди высоких господ словом поделиться.

– Я считаю также. Ты, вроде, Михайло? – Дождался утвердительного кивка и продолжил. – Очень сильно отличаешься от представителей твоего народа.

– Мих наполовину человек, – вступился за своего знакомого Витольд Львович.

– Нельзя быть наполовину мертвым или наполовину орком, вы уж извините, – попросил прощение Николай Соломонович, впрочем, без особого энтузиазма. – Уж повоевал с Ордой, многое повидал: и берсерков их, и шаманов, и икекулов, – при упоминании о «ловких воинах» Мих язык прикусил, – бойцы что надо. Прыти и увертливости невероятной. Раньше, чтобы одного орка убить, не менее трех человек теряли, так-то. А про шаманов уж совсем молчу. Помню, по весне нагнали одного, а он магию применять стал. Дар у них и не дар вовсе, а как они говорят «шепот с природой», даже из самой бедной семьи орчонок может шаманом стать. Так вот, дунул, будто вьюга в грудь ударила, лошади ржать начали, отступили. Когда до него почти добрались, крикнул, как собака бешеная, и выскочила стая волчья из пролеска. Загравки дыбом стоят, зубы оскалили, вокруг нас бегают, скотину пугают.

- Что же, сбежал шаман? - Заинтересовался рассказом Витольд Львович.

- Он, конечно, шустрый и ловкий, с магией своей опять же, но не быстрее пули. Был у нас корнет один, Михайловский, дрянь человек. Глупый, крикливый, но уж как из ружья стрелял - равных ему не было. Прямо в голову этого фигляра оркского уколошил. Только через ружья и пушки можно над этими кочевниками власть иметь.

- А волки? - Любопытствовал совсем о другом Меркулов.

- Волки? А что волки. Только шаман на землю рухнул, так и серые разбежались. Я по первому времени думал, что ружейного выстрела испугались, а потом узнал, что колдуны орчьи их вроде неволят. Заставляют делать, что хотят. А убиваешь шамана, и власть над животными вся заканчивается.

- Да, я слышал о подобном, только, признаться, не видел, - кивнул титулярный советник.

- А я такого насмотрелся, на две жизни хватит. Подлая штука - война, но что поделать, если понимает Орда только силу. А все эти переговоры и дипломатические реверансы ни к чему не приводят. Народ у них такой. Если видят, что нет у тебя намерения по лицу им съездить, то либо ограбят, либо убьют. Вы не подумайте, к полукровкам или прочим, на службе состоящим, я с пониманием отношусь. Славия должна пользоваться любыми средствами, дабы возвыситься среди остальных государств. Только с умом все должно делаться.

- Вы сказали, что ваша фамилия Истомин, - поспешно перевел Витольд Львович разговор в другое русло, - не тех ли самых Истоминых будете?

- Тех самых, - не без гордости ответил полицмейстер, - одна из древнейших фамилий. Старше нас только Галицкие и Дашковы. Ну и императорская семья, само собой.

- Прошу прощения, если мой вопрос покажется вам бестактным. Я кое-что слышал об Истоминых, но ничего конкретного про вашу родовую магию.

- Мы ее не выпячиваем. Тем более наш дар особенный, не в пример другим. Я не говорю, что сильнее... Да легче показать, чем объяснить. Вы не против, я совсем на немножко?

От этого вопроса у Миха похолодело в груди. Дворяне никогда не спрашивают, можно ли им дар применить или нет. То воля им царем и Ковчегом данная, ее пресечь если только великий князь может и то ненадолго. А ежели спрашивает аристократ дозволения, то значит только одно - тебя задеть его магия может. Испугался орчук, ох как испугался. Магия - это даже не ружье или револьвер, может так бабахнуть, костей потом не соберешь. Хотел было об том господину обмолвиться, но Меркулов уже легкомысленно кивнул.

Сначала вроде показалось, что не произошло ничего. Сидит как сидел Его высокородие, осанка прямая, горделивая, грудь колесом, руки покойно на коленях лежат, только взгляд какой-то отрешенный стал, будто сквозь тебя глядит и о своем думает. А потом почувствовал орчук. Родилось внутри, подле живота жжение некое приятное, бывает такое, когда настойку сладкую откушаешь. Только обычно выпьешь, и тепло сквозь грудь пройдет, задержится там, а потом медленно по телу растекается. Тут же мгновенно все произошло.

От живота в мгновение пробрало, обожгло огнем душевным нутро все. Но странно было Миху. Вроде и горячо, но приятно: на пример страсти, которая накачивает, когда девка крестьянская тебя в сено манит. Хотя сравнение дурное. Там похоть одна, а тут воодушевление. Подумалось орчуку, что сейчас вся земля его ручищами объята может быть, что он один такой сильный и

всемогущий Михайло Бурдюков. Стоит сейчас Черному здесь вдруг появиться, не сносить тому головы. Хотелось закричать что-нибудь ободряющее, песнь военную затянуть, шашку вытащить (кабы была), да на врага понестись.

Вдохнул орчук раз, потом второй, третий. И вдруг понял, что дышит тяжело, грудь вздымается высоко, а прежней легкости нет. Прошло воодушевление, будто его и не было. А Николай Соломонович глядит то на него, то на господина и улыбается.

- Первый раз у всех так бывает. Теряются люди... ну и прочие.

- Я не совсем понял, - задумчиво пробормотал Меркулов, - это...

- Отвага. Все Истомины могут вселять отвагу в окружающих. Чем лучше магией владеешь, тем больше людей ободрить сможешь, страха лишить. Я на войне больше взвода на себя не брал, это потом поднаторел, а вот отец мой когда-то эскадрой командовал. Так и звали его кавалерийцев «истоминские сорвиголовы».

- И что же, потери в вашем взводе были меньше? - Спросил уже оправившийся от первого шока Меркулов.

- По-разному, - уклончиво ответил Николай Соломонович, - но мой взвод каждый пес орчий знал и стороной обходил.

Витольд Львович не нашелся, что на это ответить, а Миху, понятное дело, покамест следовало сидеть и помалкивать, как единственному представителю недружественного полицмейстеру народа. Неловкое молчание нарушил сам Николай Соломонович, бодро отреагировавший на остановку экипажа.

- Выйдем тут, близко подъезжать нельзя.

Огляделся Мих, место незнакомое, но издали виден шпиль Мглинского вокзала. Витольд Львович тоже головой повертел, но быстро успокоился. Полицмейстер сделал знак следовать за собой в проулок и пошел вперед.

- Четыре месяца назад, именно здесь, на Вешняковке, банду Кольки-кривого брали. Не слышали о нем?

Мих чуть по лбу себя не хлопнул, вот они где - на Вешняковской, с обратной стороны, значит, подъехали. Район тут средний, вроде и не бедные живут, но и благополучным полностью назвать нельзя. Хотя места благолепные, далее церковь Пречистого Фомы, следом цирк, где тоже не мало людей бывает, потом и выход на несколько главных проспектов, но все же близость трех вокзалов делают свое дело. Нет-нет да появится скверна какая или другое непотребство проявится.

- Нет, четыре месяца назад меня еще не было в Моршане, - отозвался Меркулов.

- Так вот, этот Колька-кривой, хромал он сильно, -- объяснил прозвище полицмейстер, - прославился на всю страну. Сначала по Малославии пробежался, грабя богатых господ, через неделю вдруг на юге объявился, потом исчез. И вдруг в Моршане одно ограбление, другое, третье. И везде говорят: главарь лиходеев припадает сильно на правую ногу. Тут одну ниточку потянули, другую, ну вы знаете, как в нашем ведомстве происходит, выяснили, что он. А дело ведь в чем, на одном месте он больше двух ограблений не устраивал. Тут же три, да еще в столице. Знамо дело, теперь надолго пропадет.

- И как же вы его поймали.

- Через девку его вышли. Та Кольку боялась шибко. Человек он со странностями, совсем без разумений: мог папиросы об нее тушить, а через минуту в любви признаваться. Ну вот она и обмолвилась своей товарке, а та уже околоточному. Слово за слово, выяснили, что и правда Колька уезжать собирается, и квартирка у банды его аккурат возле вокзалов. Выдавали себя за богатых господ с Запада. Окружили, как сейчас, но пронюхал как-то, пройдоха. Говорят, чутье у него особое на нашего брата, пальбу устроили. А людей вы знаете, сколько на Вешняковке бродит. Могло до большой беды дойти.

- Но не дошло? - Повернул на ходу голову к собеседнику Витольд Львович.

- Не дошло. Благодаря магии истоминской. Штурмом взяли квартиру, всего четверых потеряли против девятерых. Так-то. Нас потом с Его превосходительством приглашали к Его Императорскому величеству. Святого Георгия дали. Жалко, старик занемог тогда, пришлось одному за все ведомство отдуваться. Но Истомины себя никогда не срамили, так-то.

Они вышли на Краснокаменку и Николай Соломонович понизил голос.

- Вон тот дом, четвертый от перекрестка. Окна в квартире выходят во двор, но все равно лучше не шуметь. Михя вашего лучше прямо тут оставить. Если дворами уходить будет, то как раз сюда выскочит. У меня вон, Подберезкин там дежурит, но пара лишних рук не помешает.

Николай Соломонович указал на старика, сидящего на мостовой и просящего милостыню. Даже удивился орчук - про того ли человека говорит полицмейстер? Нет, обрядить в лохмотья можно любого, однако этот дед с оборванной и замызанной бородой, дрожащими руками с желтыми ногтями и грязной морщинистой шеей явно не мог быть филером. Да еще причитал он так слезно, коверкая слова беззубым ртом, жалобя прохожих.

- Матерью-заступнишкой прошшу, люди добрые, сирота с рошщдения, сирый с отрошщества. В руках немошщшь, нишего проклятушщшшие не дершшат. Хоть краюху, хоть монетку малую, кто шшем мошшет.

И судя по шапке с монетами в руках, могли многие. Подавали несчастному так, как орчук не зарабатывал и в лучшие дни. Хотя Мих для себя давно понял, никогда не смог бы нищенствовать, воспитал его папенька не так - что бы ни случилось, всегда можно заработать: не силой, так умом, не умом, так искусными руками. Трудолюбивый человек прокормиться сможет. Нет, не мог быть нищий филером, этого видно, давно милостынею живет.

Но в этот самый момент, когда прохожих возле старика стало меньше, тот проворно обернулся и вдруг, озорно посмотрев прямо на Николая Соломоновича, кивнул. Полицмейстер ответил тем же.

- Лучший у нас по части перевоплощений. Двадцать восемь лет, а каков талант. Постоянно что-нибудь придумывает, вставляет. К нему даже из других городов раз в год с наших ведомств наезжают, дабы мастерству обучиться. Давно говорю Его превосходительству, надо Мишку Подберезкина брать, да методичную брошюру с него писать.

Орчук только диву дался. Двадцать восемь лет тезке, а каков в деле. Сказал бы кто, не поверил. Ну чистый актер, таких и в театре не всегда встретишь. Те в основном ломают комедию, в крайность впадают, а этот в самом деле будто всю жизнь в нищете провел да на улице.

- А что, у вашего Подберезкина и револьвер есть?

- Обижаете, Витольд Львович, конечно, имеется.
- Тогда я бы Миха здесь не оставлял, ни к чему он тут без оружия. Лучше еще одного филера приставить, тоже с пистолетом.
- Не много ли чести этому вашему Черному?
- Если вдруг что не так пойдет, то он непременно через окно уходить станет.
- Обижаете, Витольд Львович, я уж свою работу знаю. У меня и во дворе пара ребят дежурит. Подберезкин уже так, на крайний случай, если Черный каким-то чудом вдруг и оттуда сбежит. Там чуть подальше, в проулке, еще один человек.
- Тогда не понимаю, зачем же оставлять здесь Миха?

Полицмейстер недовольно посмотрел в сторону орчука, но все же сказал правду.

- Не хотел я его к самой операции допускать. Тут дело тонкое, любой случайный человек... или прочий его испортить может. Ладно вы, все же Меркулов, о прыти вашей такие слухи ходят, полезны можете оказаться, но он...
- Это вы зря. К слову, как вы дверь вышибать будете?
- Обыкновенно, сучковатый широкий чурбан берем, да с двух сторон...
- Уже, значит, тихо не подберемся. А вы же знаете, как могут быть бесшумны орки.
- Знаю, - не смог опровергнуть данный факт Николай Соломонович, хотя по его выражению лица, стало ясно, это ему не доставляло удовольствия.
- Это, во-первых, - поднял свободную от трости руку Меркулов и загнул палец, - а уж про силу орчью и говорить не приходится. Тоже ведь так?
- Так, - еще более помрачнел полицмейстер.
- Потому дверь вашу Мих выбьет с одного удара, и никаких поленьев не понадобится, это, во-вторых. - Загнул еще один палец Меркулов, - В-третьих, Мих послушен и приказы исполняет лучше многих подведомственных вам филеров. Потому заключаю, что орчук, как вы его называете, нам не только не помешает, но даже поможет.
- Хорошо, - немного поколебавшись, согласился полицмейстер, - навязали же вас на мою голову. Ладно, идите за мной.

И отвернувшись, зашагав к заветному дому. Мих благодарно посмотрел на Витольда Львовича, но тот лишь мимолетно улыбнулся и отправился за полицмейстером. Орчук поправил пояс, вытянулся вверх, позвонками хрустя, размялся и последовал за господами. Намеревался сегодня орчук ни много ни мало доказать господину, что он в нем не ошибся.